

МОСТОВАЯ И.В. СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ МИР МЕТАИГРЫ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. М.: МЕХАНИК, 1996. 207 С.

Интерес к любой книге формируется как бы в двух плоскостях: эстетической и прагматической. Учебное пособие И.В.Мостовой, несомненно, доставит читателю эстетическое и интеллектуальное удовольствие живой полемичностью изложения, неожиданными сюжетными ходами. Тот, кто сталкивался с проблемой различения научного и обыденного знания, обнаружит интригу уже во введении, открывающемся фразой: "Есть один учебный предмет, по которому можно ставить "зачет", еще не начиная курса, — это социология". Впрочем, введение заканчивается оптимистично: надо быть наблюдательными и читать книги по социологии... Данное издание адресуется всем, кто хочет узнать "правила игры" современной России, "преображающейся в новое, незнакомое социальное пространство, в лабиринтах которого нужно учиться перемещаться и находить желаемое" (с. 6), то есть самому ставить цели, играя собственную партию. Не повторяя логическую структуру работы, остановимся на некоторых ключевых для ее понимания вопросах.

Почему символическая метаигра? Употребление автором вместо базового для социологической теории понятия "действие" понятия "коммуникация" точнее реконструирует то, что имеют в виду социологи, говоря об "отношениях" (с. 36). Благодаря этому общество предстает как структура символической коммуникации — процесса сообщения и восприятия: (а) символических типизации себя и других представителями различных социальных общностей; (б) повторяющихся взаимодействий, созданных с помощью этих типизации.

В периоды серьезных социокультурных изменений, охватывающих значительные страты, меняется привычная конфигурация социальных индикаторов, регулирующих межгрупповые контакты, и повышается демонстративность социальной символики.

Игровой подход обосновывается И.В.Мостовой в индивидуалистической перспективе. Множественность ролей с противоречивыми ожиданиями заставляет индивида быть, во-первых, актером (профессиональным социальным игроком), во-вторых, знатоком правил символического обозначения себя и распознавания символических обозначений других. Коммуникативная теория общества позволяет описать, как маргинальные "никто" могут стать "кем-то" и даже "всеми".

Почему расслоение? Переход российского общества от модели социальной безопасности к модели социальной конкуренции обуславливает смену механизмов выживания. Применительно к переходному периоду, по мнению автора, точнее говорить не о стратификации, а именно о расслоении — приставка подчеркивает дробление социального монолита, необходимость отказа от былого синкретичного социального восприятия. Таким образом, легитимируется неравенство. Автор различает два типа социальных пространств: основанное на сходстве, однообразии и равенстве пространство предсказуемо и дает возможность сосредоточиться "на поиске, выборе и апробации, то есть на развитии и жизнеутверждении"; сложное и разнообразное пространство требует нетривиального, креативного способа реагирования, обуславливает "манипулирование, конструирование, игру со средой".

В статической перспективе человек рассматривается как порождение социума, неравенство — как недостаточность, несправедливость и неестественность общества, тогда как в динамической перспективе индивид трактуется как активный творец социума (от него требуется активность), а неравенство — как социальное благо, исключительный способ справедливого воздаяния каждому по социальным заслугам (с. 42-45). Социальная неудовлетворенность часто интуитивно связывается со стремлением к "справедливости", что объективно выражается в стремлении к другой системе неравенства.

Как лучше понять стратификацию современной России? Социология должна давать множество многообразных объяснений одних и тех же явлений и процессов, сосредоточивая внимание на трех проблемах: а) "экономическом содержании расслоения", б) "властных отношениях переструктуриации", в) "символическом оформлении поляризации общества" (с. 100-101). Коммуникативный подход к обществу — один из возможных.

Автор неоднократно акцентирует мысль, что, несмотря на информатизацию общества со всеми ее последствиями, "мы продолжаем жить в экономическую эпоху, когда то, что в принципе не могло иметь стоимости, имеет цену" (с. 67). Однако в России власть диктует

господство политической логики над хозяйственной, согласно которой "монополия распоряжения экономикой абсолютизируется до монополии управления всеми социальными ресурсами" (с. 71), вследствие чего российское общество не обнаруживает автономности своих областей, из-за чего борьба за частный (и экономический) интерес перерастает в борьбу за все (Р.Дарендорф). В свою очередь неустойчивость политических форм переходного периода не позволяет рассматривать власть как надежное стратификационное основание: власть — "временное преимущество" того, кто находится во властной позиции (с. 72). Поэтому чтобы понять стратификационные процессы современной России, нужно изучать динамику групп "реального совместного действия".

Не класс, а статус образует "ткань общественной структуры". По М.Веберу, "классы" не являются "сообществами", но "представляют возможную основу совместных действий", тогда как "статусные группы", несмотря на аморфность, суть "нормальные сообщества". В противоположность чисто экономически детерминированной "классовой (то есть "рыночной") ситуации", с ее базисными категориями "собственности" и недостатка "собственности", "статусная ситуация" детерминируется социальным оцениванием почести, находящейся в оппозиции всему, что связано с собственностью. "Стратификация по статусам идет рука об руку с монополизацией идеальных и материальных товаров или возможностей"; статус "представляет собой основанное на достигнутом согласии совместное действие закрытого типа"; статусная почеть — "специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей".

Помимо "желания", необходимо, как уже говорилось, соблюдение правил игры. Важно подчеркнуть, что речь не идет о социальной мимикрии (обманывать можно "чужих", да и то недолго), а о характеристиках "образа", "стиля жизни", интериоризации соответствующих ценностей. С этой точки зрения можно сказать, что социальные структуры создаются, укрепляются и воспроизводятся оценками, мнениями и представлениями людей о своей общественной реальности (с. 65), а также признанием правил игры всеми субъектами, включенными в систему социальных взаимодействий (с. 67).

Откуда берутся шансы вертикальной мобильности? Статусные пропорции не воспроизводятся механически, чему есть несколько причин: 1) функциональная деградация элит и падение качества контроля за теми ценностями, благодаря которым элита признана сообществом как элита; 2) стабильность элиты испытывает мощное давление снизу, обусловленное притягательностью элитных позиций; 3) внутриэлитная конкуренция. Все это открывает каналы вертикальной мобильности (с. 149-150). Естественная маргинализация — как механизм совершенствования социальной структуры — лежит в основе спонтанной мобильности. Наиболее привлекательны институционализированные элиты, базирующиеся на механизмах "социальной ренты". Такую ренту наилучшим образом обеспечивают экономическое богатство, политическая власть и организационно-управленческий профессионализм, поскольку их вознаграждение (в стабильной ситуации) зависит больше от ранга, чем от текущей активности и самостоятельной духовной работы. Хотя верхушка статусной пирамиды обеспечивает наилучшие возможности обменивать символический капитал общественного признания на актуально востребуемые блага, мотивы самореализации повышают вероятность того, что люди не будут пробиваться *прямо* в нормативные, наиболее ценные элиты и пойдут "другим путем", не образуя столпотворения (с. 162-163). Обладающий талантом (природной монополией) "игрок", стремящийся к вертикальной мобильности, может попытаться конвертировать его в профессионализм (с. 79). "Каждый может внести свою лепту в структурный застой", — гласит заголовок одного из параграфов. Но может и не вносить.

Однако нужно учитывать, что социальные позиции в России всегда закреплялись преимущественно не отчужденными формами функционально-ролевых отношений, а межперсональными связями (в отличие от Запада). Социальные общности, маргинализируясь, не распадаются на социальные "атомы", а ломаются на структурированные группы-осколки и срastaются по швам "связей" в новые (с. 82-83).

Имя — заявка на статус и его закрепление. В развитом обществе преимущественно опосредованных социальных связей мы чаще знаем людей не лично, а по имени и оцениваем имя по репутации, по символическим формам, которые придаются его действиям. Первым шагом конструирования элит является заявочная имитация (что особенно характерно для элит в искусстве), которым обеспечивается только социальное

самопризнание, а привилегии раздаются самим себе из собственных внутренних ресурсов (с. 165). Одна из разновидностей такой имитации — *номинация* — легитимирует человека в социальной структуре, символически закрепляет его общественный рейтинг (с. 131). Имя, включающее *официальное* название, в современном обществе *создает* социальные страты, транслируя возможности достичь "особого рода монополии", а также закрепляет достигнутый статус адекватной оценкой человеческих и общественных заслуг.

Развитие специфических функциональных элит столь тесно связано с формированием политической и экономической элит, что в остальных преобладает стадия самономинии. Превращение в самостоятельные элиты с собственными пространствами влияния возможно при восполнении социоструктурного дефицита. Они менее притягательны для популярных социальных ориентации, но заманчивы для носителей соответствующих ценностей, сознательно конструирующих собственные социальные траектории.

Характеризуя специфику формирования символического капитала в современной России, автор подчеркивает особую значимость репутации, традиционно выступающей "идеальным закрепителем социального статуса", поскольку "этот род символического капитала вообще является легко конвертируемым во властную, трастовую, финансовую и другие формы" (с. 88-89).

Что делать "просто" читателю? Играть свою игру со знанием правил и того, как эти правила формируются. Помнить о том, что из всех видов достигаемого социального капитала профессионализм доминирует (будет доминировать), а репутация конвертируется в достойное положение в обществе. И, конечно же, читать книги по социологии ...

Книга будет интересна и специалистам. "Внося теоретическую ясность" в рассматриваемые вопросы, И.В.Мостовая дает читателю возможность "вырабатывать в себе недоверчивость ко всякого рода "ясности"... задавать ехидные и каверзные вопросы, замечать логические и фактические промахи..." (с. 15). Книга содержит вполне оригинальную теоретическую программу изучения современного российского общества как целого и меньше всего напоминает реферативный сборник "последних достижений" социологической мудрости Запада.

О.А.ОБЕРЕМКО

кандидат социологических наук, Краснодарский отдел Института социологии РАН